
В городе цветут акации,
утки сели в водоем.
Два вина купил по акции -
типа с кем-нибудь вдвоем.
А сейчас пойду за штопором
и стаканом по пути.
Радио играет что-то там,
только б в штопор не войти.
И нахохленный, окукленный,
сяду, пьяненький дурак -
я как будто сам не купленный
ни по акции, никак.

Смотреть, отпущена куда,
течет нечистая вода,
когда-то бывшая Холынкой –

река хвалы, Хвалынь-река
мочила бабки стригунка,
едва прихваченные лыком.

И видел князь, как малый пьет,
копытцем отбивая лед.
Весна равнялась воскресенью.
И обновляли лемеха,
не зная слова «ЖКХ»,
и тихо радуясь везенью.

Сейчас, желта, как яд и йод,
неупиваемая, льет
себя во тьму канализаций.
Резина, тина, целлофан.
Здесь никого не целовал
никто в аду мелиораций.

И этой маленькой воде
в травы пожухлой бороде
назваться впору бы Коцитом.
Вороны смотрят вкривь да вкось.
Где конь и пашня? Пыль да злость,
и берег грязью антрацитов.

Вентиляционным сизым хоботом
жесть вползает выше по стене.
Церковь, перечеркнутая проводом,
падает, как кланяется мне.

В воздухе Москвы дерутся запахи:
пицца, плов, пальмира, чайхона.
Говорки Донецка и Елабуги,
Ближнего Востока имена.

Лепятся старинные и новые,
а внутри снуют, куют ключи.
Ездят воронные и соловые,
статуя зеленая торчит.

Все блестит, играет, бьется, радует
и потом размоется в годах.
Только церковь падает и падает,
путаясь крестами в проводах.

*Погода стоит такая,
как будто Христос в этот раз не воскрес.*
Лера Манович.

поедем красotka к высоткам
помчимся где смоль и перьё
здесь мальчик разносит по соткам
по семечкам сердце мое

он сеет на сирую клумбу
давай же вставай прорастай
и тужатся серые клубни
и тетка проносит минтай

и шахматы эти квадраты
постыли а все же стоят
мутны в катаракте кадавра
в земле начинается яд

и велосипедная спица
торчит из окружности вон
подруженька птица сестрица
мне плохо неси самогон

бутылочная аяваска
и студень студеных небес
такая холодная пасха
как будто христос не воскрес

В две тысячи семнадцатом году
Ильич лежал в гробу, горел в аду.
Накапливаясь в площадях, как в блюдах
горели мы в горнилах революций
по той простой, что на работе скучно.
Нас остужали, дуя равнодушно,
почти плюя на закипевших нас.
Мы шли нестройно, в гору и в отказ,
но телевизор типа "Горизонт"
не показал, поскольку не резон.
И мертвый соответственно стране,
Ильич молчал и щурился во сне.

У Сетуни две ржавые трубы
лежат, покорно сварены попарно.
Пасхально мы соприкасаем лбы,
непроклятые местными попами.

Христос воскрес - и преломили хлеб.
"Вставай сюда, тут нет воды и чище".
Река на землю брошена, как цеп,
в квадрате торфяного пепелища.

Сидим на порыжелом чугуне
и сетуем. Кивают мехом вербы.
Ты ничего не знаешь обо мне,
размазанной по дну небесной сферы.

Шумит вода, пустая, как молва,
комочек целлофановый катает.
И свежевоскрешенная трава
из-под трубы в ладони вырастает.

"Сегодня на территории города Ржева будет
отключено водоснабжение с 8.00 до 17.00".

Город на Волге, оставленный без воды -
хмурые кухни судачат, кто пил да выпил.
Заспанными выходят свершать труды
граждане с лицами выхухолей и выпей.

После войны человек человеку труп,
память о прошлом запутана в настоящем.
Ржавчина зреет внутри обветшалых труб,
капля за каплей вода себя в люди тащит

руслами, кровью текшими в старину -
не оттого ли окись гемоглобина?
Или опять собирается на войну
пустынь людей, что была ли жива, любима?

Кто его месит и прекратит когда -
тесто крутое из уличной пыли, праха?
Город на Волге, где тяжела вода
даже в сравнении с шапкою Мономаха.